

Валерий Доманский**«Я – ПОСВЯЩЕННЫЙ ОТ НАРОДА...»****МИССИЯ ПОЭТА В ТВОРЧЕСТВЕ
НИКОЛАЯ КЛЮЕВА**

*Я – посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать.*

В этих известных строках Клюева по существу заключен его творческий манифест. Но здесь не так все однозначно: он не просто певец народа, природы и земли Русской. Сколько таких поэтов было и есть на нашей земле! Но он и не избранный, как сейчас наш народ избирает своих представителей во всякие общественные структуры. Он – «посвященный», именно ему открыл свои потаенные тайны, сокрытые от обычного человека.

Что это за тайны? Послушаем самого поэта: «От норвежских берегов до Усть-Цыльмы, от Соловков до персидских оазисов знакомы мне журавлиные пути. Плавни Ледовитого океана, соловецкие дебри и леса Беломорья открыли мне нетленные клады народного духа: слова, песни и молитвы. Познал я, что невидимый народный Иерусалим – не сказка, а близкая родимая подлинность, познал я, что кроме видимого устройства жизни русского народа как государства, или вообще человеческого общества существует тайная, скрытая от гордых взоров, иерархия, церковь невидимая – Святая Русь, что везде, в поморской ли избе, в олонецкой ли позёмке или закаспийском кишлаке есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога. И план этот – усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия»¹.

Конечно, не будем дословно понимать все сказанное Клюевым в его «Гагарьей судьбине», ведь сам поэт писал о себе: «Греховным миром не разгадан...». Это не обычная автобиография с некоторой долей вымысла, а сложная книга со своим мифотворчеством, откровениями, пророчеством, интертекстами, иносказаниями, аллюзиями, своеобразной системой метафор. Книга, которая требует адекватных приемов для ее прочтения. Опыт такого прочтения предпринял в своем биографическом романе-исследовании Сергей Куняев².

В приведенной мною большой цитате из «Гагарьей судьбины» есть некая программа жизни, творчества и понимания назначения поэта, владеющего потаенным знанием, то есть «нетленными кладками народного духа»: «слова, песни и молитвы».

Имеется и вторая загадка в тексте процитированного клюевского стихотворения «Я – посвященный от народа...»: почему не поэт принимает благодать от природы, как в славянской мифологии, а наоборот, природа «на свое чело» его «прияла благодать»? Это уже христианская концепция, но вместо поэта должен быть Христос. Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к этапам становления и самоопределения Клюева как поэта.

¹ Клюев Н.А. Гагарья судьбина // Клюев Н.А. Словесное древо. СПб, 2003. С. 35.

² Куняев С.С. «Ты жгучий отпрыск Аввакума...» // Наш современник, 2009. № 1–10.

Самые ранние юношеские стихи Клюева, как и Есенина, достаточно традиционные и написаны в духе крестьянских поэтов (А. Кольцова, И. Сурикова, И. Никитина, С. Дрожжина). Главная их тема – тяжелая судьба народа, печаль и безысходность. Но сразу же имеется отличие: у Есенина появляются надсоновские мотивы. Лирический герой сосредоточен лишь на собственной печальной судьбе, поэтому стихотворение и названо «Поэт»:

*Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.*

У Клюева долгое время тема поэта не заявлена. Его лирический герой живет думами и настроениями народа. Поэтому его судьба становится общей для многих людей из народа, как, например, в революционной песне «Безответным рабом/ Я в могилу сойду...». Фактически до 1907 года, переписки с Блоком, определение себя как поэта Клюева мало интересует. Идет процесс овладения поэтическим мастерством, поиск собственного голоса. Диапазон необычайно широк: от народно-песенной поэзии и былинных стилизаций до символистских опытов и мотивов. Пока его поэзия не отражает глубины духовных поисков, которые сразу же обозначатся в его переписке и общении с Блоком. Любопытно, что Блок, как первый поэт, «заметил и благословил», хотя и по-разному, Клюева и Есенина. Есенина как поэта-песенника, а Клюева – как крестьянского пророка и поэта, наделенного сокровенным словом. Этот факт очень значим в понимании их духовного и поэтического становления.

Блок очень много значил в судьбе Клюева. При содействии Блока стихи Клюева печатаются в журналах «Золотое руно», «Новая земля». В 1912 вышли две поэтические книги Клюева – «Сосен перезвон» (с предисловием В. Брюсова) и «Братские песни», а затем еще два сборника – «Лесные были» (1913) и «Мирские думы» (1916).

Но для Блока Клюев выступает не только учеником, но и учителем, не обычным учителем, скорее духовником. Как известно, для Блока общение с Клюевым, прежде всего эпистолярное, а затем и личное (они очно познакомились четыре года спустя после начала переписки) имело чрезвычайное значение. Блок помещал отрывки из писем Клюева в своих статьях, неоднократно цитировал своего корреспондента, читал его письма знакомым. Клюев явился для Блока не просто талантливым человеком из народа, но, прежде всего, носителем глубинного национального духа, новым Иоанном Крестителем. Не случайно в декабре 1911 года мать поэта в письме к М.П. Ивановой сообщает: «Клюев нынче осенью провел с Сашей несколько дней. Сидел по ночам. Я думаю, Вы поймете всю важность этого Крещения».

Не будем подробно останавливаться на этой теме, она достаточно полно и интересно представлена К.М. Азадовским в его книге, где впервые были напечатаны и прокомментированы письма Клюева к Блоку¹.

Что произошло в период этого общения с самим Клюевым? Он понял, что в исторической эпохе ему уготовлено место крестьянского поэта-мессии, и стремился его занять. Поэтому тема поэта будет заявлена в его творчестве теперь необычайно сильно и уже не уйдет до конца его жизни.

¹ Николай Клюев. Письма к Александру Блоку: 1907 — 1915. Публикация, вводная статья и комментарии — К. М. Азадовский. М., «Прогресс-Плеяда», 2003.

В программном стихотворении 1909 года «Поэт» Ключев создаст амбивалентность своего образа поэта – наружного и потаенного, «неосязаемого»:

*Наружный я и зол и грешен,
Неосязаемый – пречист,
Мной мрак полуночи кромешен,
И от меня закат лучист.*

*Я смехом солнечным младенца
Пустыню жизни оживлю
И жажду душ из чащи сердца
Вином певучим утолю¹.*

Еще более загадочным предстанет его лирический герой в стихотворении «Пловец» 1908 г., посвященном А. Блоку. Необычна его композиция: в начале стихотворения лирический герой-певец направляет свой челн в «страну пророков и царей», чтобы на него «пролилась Божья благодать»:

*В страну пророков и царей
Я челн измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидящего славил (с. 107).*

Во второй части наступает преображение героя, получившего эту благодать от Бога:

*Рукою благостной Господь
Развеял сумрак непогодный
И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.
Молниевиден стал мой лик
И ясновидящ взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли пловцу обетованной... (с. 107).*

Совсем необычный финал стихотворения. Древний бог породил природу, но не дал ей благодати, благодать прольется на нее от прозревших, обретших внутреннее зрение людей, идущих по пути Христа. Творчество и есть путь Христа, создание красоты, гармонии, наделение всего мира живым словом, потаенным знанием. И настоящий поэт обладает этим знанием:

*Как будто в сумраке далече,
За гранью стынувшей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари (с. 108).*

Огромную роль в жизни Ключева сыграл и украинский кобзарь Т.Г. Шевченко. Потомок коренного крестьянского рода северного поморского края не раз мечтал о славе украинского поэта, который из крестьянских низов поднялся до поэта всего украинского и славянского мира. Русский поэт тоже знал себе цену, понимал

¹ Ключев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 115. Далее ссылки на это издание с указанием страницы.

значение своего таланта и того места, которое он занимает и займет в галерее крестьянских (разумеется, христианских) поэтов. Если Шевченко открывает эту галерею, то Ключев ее фактически завершает, так как в последний раз в творчестве Ключева народная речь, уходящая в небытие крестьянская культура и история, по словам О. Мандельштама, «замкнула язык извне, отгородила его стенами государственности и церковности». Ключев – последний пример этой живой жизни народно-поэтического и книжно-архаического языка, который «со всех сторон омывает и опоясывает грозной и безбрежной стихией»¹.

Как и у Тараса Шевченко, основы его образности и мирозерцания скрываются в фольклорных истоках, церковно-славянской и древнерусской традиции. Но если украинский поэт аккумулировал в своем творчестве ритмомелодику украинской разговорной речи, разнообразие его интонаций и мелодий народных песен, лукавую мудрость сказок, печаль дум, высокую архаику исторических летописей, то стих Ключева больше восходит к русским былинам, календарно-обрядовой поэзии, плачам и причитаниям Русского Севера, традициям старообрядческой книжности. Это своеобразие его поэтического мастерства точно подметил Осип Мандельштам в известном своем высказывании: «Ключев пришел от величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте. Ключев народен, потому что в нем уживается ямбический дух Баратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя»². Сам русский поэт, обладая пророческим даром, улавливал свою миссию художника в эпоху крушения крестьянской культуры и унификации народного языка:

*О Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром?.. (с. 290–291).*

Хочу заметить, что Ключев к творчеству и личности Шевченко обращался неоднократно. Обратился он к нему и в своей нарымской поэме «Кремль». В ней, ведя диалог с властями, Ключев прибегает к истории жизни Тараса Шевченко, которая является поучительным примером победы великого поэта над своими историческими гонителями в «малом времени». «Большое время» все расставило по своим местам: поэт не просто реабилитирован историей, он стал духовным отцом украинского народа, гордостью украинской и мировой литературы, а сославший его русский царь Николай I подвергся нравственному остракизму потомков.

В этой поэме речь уже идет не только о сближении и сходстве судеб двух поэтов – украинского кобзаря и олонецкого гусяра, но и о понимании Ключевым своей роли в истории русской национальной поэзии, которую он сравнивал с ролью Шевченко, мысля себя его поэтическим «собратом»:

*Тарас Николе, как собрату,
Ковыльную вверяет кобзу! –
И с жемчугом карельским розу
Подносит бахарь Украине!³*

Их встреча в веках знаковая: как Державин из дряхлеющих рук передает свою лиру юному Пушкину, так и Шевченко «ковыльную вверяет кобзу» своему

¹ Мандельштам О. Э. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 1991. С. 245.

² Мандельштам О. Э. Т. 3. С. 34.

³ Наследие комет. Неизвестное о Николае Ключеве и Анатолии Яре. Кравченко Т., Михайлов А. Москва-Томск, 2006. С. 211.

поэтическому потомку – русскому народному поэту, именуемому диалектным словом *бахарь*, которым обозначали в старину говорунов, краснобаев, рассказчиков, сказочников.

Имеет свой потаенный смысл и подарок «певца олонецкой избы» великому Кобзарю – роза с жемчугом. Образ розы – царицы цветов – заключает в себе множество значений. Но в поэтике клюевских текстов это, прежде всего, символ сердца Богоматери, вмещающего безграничную любовь к людям и их бесконечные страдания. Он применим также и к образу народного поэта, «сердце-роза» которого вместилище красоты и неизбывной печали. Как лик Богоматери украшали окладом из жемчуга, так и поэтическое слово « в жемчугах ходило».

И поэт Николай Клюев имел полное право поставить себя рядом с великим украинским поэтом Тарасом Шевченко, потому что никто из крестьянских поэтов не представил в таком завершённом виде «избяной космос», как это сделал Клюев (цикл стихов «Избяные песни», поэтический сборник «Изба и поле», поэмы «Мать-Суббота», «Деревня»). В его представлении изба-жилище-храм – не только модель русского национального космоса, но и всеславянского, всемирного. Она является своеобразной матрицей планетарного дома, которая соединяет части света, разные народы и культуры. Становятся понятными неожиданные планетарные ассоциации Клюева, связанные с образами разных стран, народов, цивилизаций и культур: Древней Руси, Египта, Вавилона, Греции и Рима, Северной и Южной Америки, Индии и Китая. В красном углу русской светелки поэту видится и манящая его далекая Индия:

*Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу (с. 311.),*

и другие страны, так как весь мир состоит в родстве с бревенчатой избой. Через «сердце избы» пролегло множество духовных векторов, но особо значима для поэта геополитическая ось Русский Север – Юг. При этом если Юг – исток древнерусской культуры, то Север является хранителем ее первообразов, кодов славянской мифологии, чистоты православной веры. Вот почему для олонецкого гусяра, так же как и для Шевченко, дороги все знаковые топосы Киевской Руси: «тур златорогий Киев», Чернигов, Путивль, Полтава, Переяславль, Вольтынь, Карпаты. В поэтическом сознании Клюева домонгольская Русь существует целостно и неделимо, потому что это общая духовная родина единой славянской семьи, о содружестве и процветании которой мечтал его старший поэтический брат Тарас Шевченко:

*Обніміться ж, брати мої,
Молю вас, благаю¹.*

Каждый великий поэт, предчувствуя свой уход, создавал свой поэтический памятник. Имеется он и у Клюева, это стихотворение «Есть две страны: одна – Больница», своеобразная проекция пушкинского «Пророка», так часто цитируемого им в поэме «Кремль». Но здесь вместо «шестикрылого серафима» является ангел смерти, «тетушка Могила». Перед их лицом, в этот Судный день, «поэт олонецкой избы» без ложной позы, просто и трогательно, признается в своей искренней любви к Родине, России:

¹ Шевченко Т. Г. Твори. В 5 т. К., 1978. Т.1. С. 306.

*Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей! (с. 632)*

Как и в пушкинском стихотворении, в клюевском два плана: один реальный, насыщенный мрачными образами Нарыма и Томска, и мифологический – «кущи рая». Предощущая неминуемую гибель, поэт словно живет на грани этих двух миров. В противоположность земному, безжизненному миру, сотканному из образов смерти, тот, неземной мир, полон божественной музыки и гармонии. Символично, что встречает поэта там, в другом мире, «серафимом с лютней». Это знак славы и бессмертия. Бессмертия его поэзии, прославляющей «родной овсень», которой вторит сам ангел. Заканчивается стихотворение упоминанием об «Оном Дне», Судном дне, когда перед Христом предстанут все грешники, а Россия очистится от скверны и засияет в своей нетленной красоте.

Чтение поэзии Клюева – это глубокая духовная работа, постижение невидимой, потаенной России (Руси-Китежа), которая открывается только «посвященным от народа».

Юрий Хардигов

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ ПОЭТА

Вся жизнь Клюева в ссылке – невыносимые тяготы и страдания. Опубликованные «сибирские письма» поэта рисуют точную картину положения ссылке в тридцатые годы. Человек глубоко одаренный, обладающий высоким интеллектом, он был вынужден терпеть произвол и насилие властей, переносить презрение и хамство окружающих его людей. И это только за то, что поэт имел свои убеждения, мысли, чувства, не нравившиеся Диктатуре, создавшей «грозный орган».

Вот некоторые выдержки из писем Клюева:

«Теперь я в своей комнатухе среди чужих людей, которым я нужен, как собаке пятая нога. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам... Тоскую невыразимо, под несметными избяными мухами – лежу в духоте, давно без бани, вымыть некому, накормить тоже. Левая рука висит плетью. На ногу ступаю маленько. Она распухла, как корчага».

«Анна Исаевна – моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, – взялась меня кормить за 75 р. в месяц. На исходе месяца начинают справки: получил ли я перевод и т. п. Следом идут брань, придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает. И я лежу, лежу... С, как бревно, ногой, с изжелта-синей полумертвой рукой».

«Мороз под сорок. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб. Деньгами от двух до трех рублей...»

Все эти письма относятся к периоду жизни Николая Алексеевича по пер. Красного Пожарника, 12.

В одном из своих последних писем В.Н. Горбачевой поэт сообщил новый адрес жительства в Томске: Старо-Ачинская, 13. Томский период жизни Николая Клюева удалось дополнить некоторыми существенными деталями.

В центре Томска есть уникальное место – Белое озеро. Если пройти через сквер на противоположную сторону от памятника космонавту Н.Н. Рукавишникову и углубиться в узкую улочку старого города, то через несколько минут ходьбы вы окажетесь у невысокого, ладно срубленного дома по улице Старо-Ачинской, 15 (ранее – 13. – Ю.Х.).

До сего времени ничего не было известно о последних месяцах жизни поэта в Томске, о людях и доме, проводивших его в «жизнь вечную».

Писатель Алексей Иванович Шеметов был одним из тех, кто навестил поэта перед его последним арестом. Вот что он вспоминает: в довольно просторной прихожей его встретила приветливая женщина. «Вы к Николаю Алексеевичу? – спросила она. – Подождите немного, он занят».

Шеметов стал ждать. Вскоре из комнаты вышел священник. Через некоторое время вышел второй священник, а за ним – Клюев. Он был в косоворотке, руки у него, как у Толстого, просунуты под ремешок, которым он был подпоясан. В комнате, куда его пригласил поэт, он увидел на столе полдюжину французских булочек (их еще называли сайками) и тарелку с яйцами. Видимо, священники подкармливали бедствующего поэта.

Они долго говорили. Николай Алексеевич рассказывал начинающему литератору о писательском труде, требующем глубокого знания языка и культуры. Возможно, этот разговор и стал определяющим в судьбе Алексея Шеметова – он стал писателем.

Но что же это за дом, в котором провел свои последние дни поэт? Кто его приветливая хозяйка?

Мне удалось найти и выслушать сына тогдашней хозяйки дома по улице Старо-Ачинской, 13 – Сергея Васильевича Балакина. Ему 74 года, но удивительно ясная память сохранила мельчайшие подробности, детали его общения с Николаем Алексеевичем Клюевым.

Сергей Васильевич нарисовал план их квартиры, комнаты, которая была выделена Клюеву. Обозначил место, где стояла его «варшавская кровать» с панцирной сеткой.

Вот его некоторые воспоминания: «Я вернулся из армии, радостно ворвался домой. Увидев меня, мама очень обрадовалась, но тут же предупредила: веди себя по-тише. У нас живет интеллигентный человек, писатель. Он очень болен.

Мама по профессии была медработником. Она ухаживала за больным Николаем Алексеевичем, давала ему лекарства, купала в большой деревянной ванне.

Николай Алексеевич носил серый пиджак, брюки навыпуск, косоворотку. Были у него валенки с азиатскими галошами. Левую руку он почти не вытаскивал из кармана: она была парализована.

Еду ему подавали в комнату. Он любил борщ и овсяный кисель, которые мама ему готовила. После завтрака он подолгу работал, писал, а после обеда отдыхал: читал нам стихи, ходил на Ушайку. По воскресеньям обедали все вместе, усаживаясь в комнате за большим столом. Иногда Николай Алексеевич любил готовить сам».

Сергей Васильевич задумывается, мысленно возвращаясь к тем далеким дням: «А знаете, как он читал стихи?! И какие это были стихи. Я очень любил его слушать. Он читал мне свои поэмы «Львиный хлеб», «Привет тебе, Анастасия».

В строчках, которые Клюев написал в Томске и которые вспомнил Сергей Васильевич, поэт представил ошельмованную, повергнутую Россию, оторванную от своих исконных земель, и уничтоженного крестьянина:

От Москвы до Аляски – кулацкий обоз.

Сломанные косточки, крови горсточки...

О том, что Клюев написал в Томске четыре поэмы, он сообщает в письме В.Н. Горбачевой: «*Передайте ему, что я написал четыре поэмы...*».

Строчки клюевских стихов вспоминала и В.В. Ильина, знавшая поэта в Томске и помогавшая ему материально: «Ты, Беломорский Свет-канал. Тебя Ефимушка копал, тебя копала тетка Фекла – тут вся земля от слез промокла». А вот как, с ее слов, рассказывал Клюев о причинах своего ареста и ссылки в Сибирь: он был сослан за саботаж собственной музее. За то, что перестал писать и печататься.

Дважды работники НКВД изымали рукописи Николая Клюева. Первый раз (при аресте в 1936 году) и второй раз (при аресте в 1937 году) у него были изъяты четыре тетради. Найти их пока не удалось.

Хочется немного рассказать о семье Балакиных, которые приютили поэта в последние месяцы его жизни, где Клюев обрел теплоту русских сердец. Они и проводили его в печальную дорогу.

Мария Алексеевна Балакина, в девичестве Зоркальцева, родилась в селе Зоркальцево под Томском. Ее муж Василий Петрович Балакин был советским специалистом-инженером: работал заведующим мельницей на паровом котле, начальником электростанции. После гражданской войны под его руководством за три месяца был восстановлен золоторудник «Онон» в Забайкалье.

Василий Петрович в 1926 году трагически погиб вместе с маленьким сыном Женей. Они поехали за зарплатой рабочим, и на обратном пути их убили, чтобы забрать деньги.

После смерти мужа и ребенка Мария Алексеевна с двумя детьми – Лизой и Сергеем – переехала в Томск. В ее доме и провел последние месяцы до ареста Николай Клюев.